

ПЕРЦЕПТИВНОЕ ПОЗНАНИЕ

Н. Т. Абрамова

О ПРИРОДЕ И СТАТУСЕ ПЕРЦЕПТИВНОГО СТРОЯ СОЗНАНИЯ*

Двусоставная природа сознания, наличие в нем рациональной и чувственной (перцептивной) составляющих признана еще у истоков познания.

Уже в первых теоретико-познавательных концепциях прозвучала мысль, что будучи “рождены порознь и осуществляя себя порознь”, “очи разума”, или логос, открывают подлинную реальность, в то время как “докса”, или неразумное, нечистое мышление искажает истину. Демокрит допускает, что “есть два вида мысли: одна — законнорожденная, другая — незаконнорожденная. К незаконнорожденной относится все следующее: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Другая же законнорожденная. К ней относится скрытое (от наших чувств)”¹. Низкая оценка “мнения”, но кроме того и трудная его артикулируемость, повлияли на историческую судьбу “неинтеллигibleного” знания. Вплоть до середины XIX века оно оставалось слабо изученным, не имело развернутых концепций. В этом плане оно отличалось от идеи логоса, на базе которой (идеи) сформировалась логико-аналитическая тенденция.

Мы попытаемся реконструировать спор об асимметричности логоса и доксы, проанализируем смысл идеи о предпочтении одной из составляющих сознания. Такой возврат представляет не только исторический интерес. Ныне, когда все большую, причем практическую, значимость приобретают виды продуктивной деятельности — “телесные” умения, мастерство, ремесленничество и пр., заметным стало перемещение интереса в сторону доконцептуальных, невербализованных структур сознания, которые лежат в их основе. Стали осознавать, что для налаживания высоких темпов обновления, для повышения технического и социального прогресса нужна опора не

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 96-03-04545

только на новую технологию, не только на формальные методы исследования. Возникла острая нужда в людях-новаторах, способных создавать новое знание. Все сказанное открывает актуальность обоснования комплекса проблем, связанных с выявлением творческих возможностей человека. И в этом ключе немаловажен анализ перцептивного сознания. Обращаясь к исследованию таких оппозиций, как рациональное – перцептивное, истина – ценности, вербальное – невербальное и др. за отправной пункт нами будет взята рациональность, как наиболее разработанный тип сознания. Это внесет, надеемся, заряд проблематизации и тем самым позволит обсудить проблему переосмысления гносеологического статуса перцептивного мышления.

1. ИСХОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Итак, еще с античности логосу, или разуму, противопоставлялась докса, или мнение – восприятие, неосознанные чувства, эмоции, интуиции, стремления, верования и т.п. Вместе с тем, совершенно очевидно, что рациональные и чувственные компоненты сознания не существуют раздельно, а переплетаются, предполагают друг друга; провести четкие границы между ними практически невозможно. Значит, рациональное нагружено чувственно-эмоциональным, последнее также протекает на фоне ментальных актов. Воспринимаемая мир, “прочитывая” его, человек получает информации неизмеримо больше той, которая предопределена перцепцией. Р.Декарт считал, что содержание души необходимо пропозиционально, в значительной степени является продуктом разума. Но в то же время Декарт различал мысли, одни из которых представляют образы предметов, а другие присоединяют еще воления, аффекты, стремления и др. “Я – вещь мыслящая, то есть сомневающаяся, утверждающая, отрицающая, знающая весьма немного и многое незнающая, любящая, ненавидящая, желающая, нежелающая, представляющая и чувствующая. Ибо, как я заметил выше, хотя вещи, которые я ощущаю и представляю, может быть, не существуют сами по себе и вне меня, я тем не менее уверен, что виды мышления, называемые чувством и представлениями, поскольку они виды мышления, несомненно встречаются и пребывают во мне”¹. Дж.Беркли высказывает сходные идеи, отмечая при этом связь восприятия и мышления с операциями над знаками¹. Разные компоненты сознания не разделены жестко друг от друга в том смысле, что могут участвовать в самых разных мыслительных актах.

Вместе с тем следует признать, что способы существования рационального и чувственного — это два разнонаправленных потока.

В отличие от рациональных чувственные структуры сознания по своему строю случайны, конечны, кратко живущи. Мир доксы не занят специально поиском истины, как целью деятельности. Направленность на меняющуюся практику жизни, на скоротечные события и предметы привносит в данные структуры сознания свойство текучести, неустойчивости. Вечным здесь будет лишь изменение, в противовес логосу, которому присуще сохранение, инвариантность. Как подмечал Платон в “Тимее”, в вечном потоке все гибнет и возникает, но не существует на самом деле.

Рационально-ориентированное сознание, напротив, логично, открыто, прямолинейно; познание протекает в пределах заданной концептуальной системы абстракций и понятий, в рамках зафиксированных смыслов и оценок⁴. Рационализм исходит из возможности постижения одной-единственной истины, исключая тем самым идею вариативности истинных представлений. Если подходить к определению логоса с современными мерками, то следует указать на присущий ему дух регламентации.

В связи с открывавшейся фундаментальностью представлений о нормативности рационального знания возникала и расширялась потребность в осмыслении родов и видов, а не единичных фактов. Логос научился различать существенное от преходящего, стал рассматривать не то, что бывает, а, напротив, непреходящее бытие. Демокрит и последующие “физиологи”, возглавившие рационалистическую традицию, основывались на модели порождения. Суть последней сводится к идее о том, что все сущее возникает из общих семян-начал. Идея праматерии вела с неизбежностью к представлению о предзаданных фиксированных смыслах, к методологии элементаризма и фундаментализма с опорой на принцип редукции. Вынужденное функционировать в условиях “колеи” сознание выполняет только предписанные ему действия, но не напрягается. Из присущей рационализму непреложности, духа регламентации, авторитет которой поддерживается заданной системой абстракций, вытекает и соответствующий образ реальности — жестко организованной конструкции, которая подчиняется законам логики.

Инвариантность исходных начал обеспечивает объективность, точность и общезначимость. Но в этой познавательной процедуре имеется и другая сторона. Зафиксировав общность, единообразие, такой ход мысли помещает разные явления как бы на одну плоскость, или точку. Подобные действия приводят к тому, что смысло-

вое разнообразие уплотняется до единого значения, “склеивается”. Быть рациональным – значит наделять предметы свойствами линейности, одноразмерности, непротяженности и т.п., то есть производить операцию редукции. Последняя ведет, как известно, к унификации смыслов, к сокращению степеней свободы.

Критический взгляд на рациональность вовсе не умаляет ценности данного способа работы с концептуальными конструкциями. Магистральная линия развития европейской культуры построена на рациональности, на формально-логических методах – главной опоре, на которой воздвигнуто здание науки, получены наиболее значительные результаты. Экстенсивно развиваясь, рационализм приобрел статус объективной тенденции.

Представляется, что существуют некие глубинные мотивы перманентной приверженности к обобщающим процедурам, свойственным рационализму. Их следует связывать, думается, с потребностью психической стабильности, опирающейся на консервативно-охранительные структуры сознания. Человеческому духу органически важно, чтобы полученные результаты воспроизводились, чтобы ожидаемые события наступали вовремя и в нужном месте. “Тоска” по единообразию – этому синониму общезначимости – служит выражением такой приверженности.

Если встать на рационалистическую точку зрения, то все “огрехи” перцептивного проистекают из-за отсутствия возможности широких обобщений. Ведь суждения духовно-практического плана в силу своей переменчивости и спорадичности обречены существовать “поштучно”. Говоря словами современного философа, перцепции, следуя за реальностью, воспринимая последнюю во всех ее изгибах и поворотах, усваивают само движение внутренней жизни вещей. Данные качества не позволяют вскрывать единообразие, инвариантность. У перцепций иное назначение, иная познавательная функция, о чем позднее мы скажем более подробно. Сейчас же приглядимся еще к одной линии, по которой была проведена граница между рациональным и чувственным. С этой целью вновь обратимся к “Теэтету” Платона, где он разъясняет смысл термина логос.

Новый перевод текста “Теэтета”, проделанный Т.В. Васильевой, уточняет значение термина логос. Логос есть мысль, выраженная в речи, мысль изреченная. “Если же кто-то получит истинное воззрение на что-либо помимо слова, – замечает Платон, – то душа будет владеть истиной, но не знанием, ибо кто не может дать отчет и подобрать слово для чего-то, тот не знает этого. Привлекая же слово, он постигает все это и в конце концов подходит к знанию”. И еще:

“Тезет. Теперь я вспомнил, Сократ, то, что слышал от кого-то, но потом забыл. А говорил он, что знание – это истинное воззрение, произнесенное словом, а не проясненное словом – вне знания; и для чего нет слова – то непознавательно – так он это и назвал – и для чего есть слово – то познавательно”. Сумма значений логоса в данном контексте означает членораздельную, четко артикулированную и отчетливо выраженную вовне мысль.

Сопоставляя разные варианты перевода Платоновского термина докса, Т.В.Васильева пытается прояснить исходный смысл, который был вложен в этот термин самим Сократом, и приходит к выводу, что докса предстает как логос, но не в звуке и не для кого-то другого, а, напротив, в молчании и лишь перед собой. Докса – это мыслительный результат, важный для самого себя, но не выраженный для другого. Подытоживая сравнение, Т.В.Васильева подмечает, что доксу следует толковать как “воззрение”, в котором сохраняется ошутимая связь с непосредственным восприятием, с видением”.

Непосредственная связь перцепций с живой жизнью, с становлением придает им спонтанность, спорадичность. А это значит, что еще одна отличительная черта данных структур сознания состоит в отсутствии предваряющих объяснительных процедур в их генезисе, относительная независимость от жесткого контроля со стороны нормативов и стандартов. В рациональности, как известно, процедура обоснования занимает особое место, именно на этом этапе выдвигают основоположения, анализируют исходные принципы и понятия, привлекают исторический и другие типы обоснования и др.

Для субъекта важно, чтобы факты были объяснены, чтобы полученные результаты воспроизводились. Основание определяет направление поиска и его стратегию, с его помощью вырабатывается представление об онтологии, об объеме и содержании знания, предвосхищается существование объектов определенного типа.

Постижение в мире перцепций происходит, таким образом, без использования каких-либо “отдаленных”, прямо, непосредственно не связанных причин-оснований. Другими словами, в силу конкретности, предметной обусловленности перцепций, последние не могут быть обоснованы с помощью “чужого” опыта. Изначальная интенциональность” перцепций предполагает, что они не могут быть “пустыми”, а напротив, они всегда наполнены некоторым содержанием, непосредственно отражающим положение дел в мире. Соответственно слышание, видение, чувствование и пр. наполняется синхронным состоянием мира, входящим в круг восприятия.

Дальнейшая судьба классических представлений о спорадичности, об импульсивности перцепций определяется углубленным анализом его структуры. Принципиально значимую для гносеологии концепцию зрительного восприятия выдвинул современный психолог Дж. Гибсон.

Дж. Гибсон по-новому объясняет зрение, зрительное восприятие, основываясь на представлении об объемлющем световом строе и объемлющей стимульной информации. С точки зрения автора, информация для восприятия не состоит из сигналов и не подразумевает отправителя и получателя. Окружающий мир не общается с живущими в нем наблюдателями. Центральный тезис концепции Гибсона таков: “Мир задан в структуре приходящего к нам света”¹¹. Автор развивает концепцию возможностей, согласно которой возможности окружающего мира – это то, что он (мир) предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает. Под возможностями Гибсон подразумевает нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному. То есть возможность является и фактом окружающего мира и поведенческим фактом.

Исходя из представлений о возможностях, Дж. Гибсон приходит к центральной идее о прямом восприятии. Прямое восприятие не опосредованно никаким изображением – ни сетчатым, ни нервным, ни психическим. Этот процесс активности, направленный на получение информации из объемлющего оптического строя, Гибсон назвал извлечением информации¹².

Традиционную теорию восприятия, основанную на представлении о том, что чувственные восприятия обрабатываются нервной системой, а затем ряд сигналов подвергается интерпретации, Гибсон считает ошибочной. В соответствии с новым видением восприятие является непосредственным контактом с внешним миром; это осознание чего-то конкретного, а не осознание само по себе; это не умственный и не телесный процесс; это поток.

Нетрадиционный взгляд на восприятие позволили по-новому подойти и к познанию. “Теория извлечения информации ... уничтожает разрыв между восприятием и знанием, существование которого допускают другие теории. И при восприятии, и при познании происходят одни и те же процессы – экстрагирование и абстрагирование инвариантов. Различие между восприятием окружающего мира и его постижением – количественное, а не качественное. Восприятие неразрывно связано с постижением”¹³.

Итак, мир задается структурой приходящего к нам света, сам же объемлющий свет может быть структурирован только тем, что окру-

жает точку наблюдения. Воспринимающая система способна извлекать инварианты прямым путем: она на них настроена, она резонирует. Данный акт обнаружения инвариантности – это простая фиксация параметров в стимульном потоке наряду с параметрами возмущения. Таким образом, в разработанном Дж.Гибсоном принципиально новом взгляде на восприятие отсутствует интерпретационные механизмы; здесь нет ни сравнения, ни оценочных процедур, т.е. каких бы то ни было рационально-ориентированных актов, ведущих к обобщениям, к выбору и т.п.

Надо признать, что исследовательская мысль обращалась и ранее к поиску других путей генерализации. Напомним, что еще в античности была разработана другая модель, исходящая фактически из отрицания идеи порождения, из общих семян-начал.

Согласно другому взгляду на генерализацию общность может быть достигнута с помощью “причастности” к образцу, или эйдосу. Быть причастным – значит быть сходным с образцом, быть похожим. Однако сходство вовсе не означает того, что сходное выходит из “единого корня”. “Разное” стремится быть похожим на эйдос, видит в последнем ту конструктивную цель. Обобщение в итоге совершается, но в то же время процедура единения с образцом совершается без потери индивидуальности.

Обращение к истокам помогает понять и обосновать методологические основания рождения нового взгляда на перцепции. Восприятие, по Гибсону, – это, во-первых, непосредственный контакт с внешним миром; это осознание чего-то конкретного. Воспринимать – значит осознавать поверхности внешнего мира и себя в этом мире; исследовательская деятельность наблюдателя постепенно становится богаче, тоньше, полнее. Во-вторых, информация соотносится не с органами чувств, не с нервным центром, не с сознанием, а с окружающим миром. Информация извлекается непосредственно с помощью воспринимающей системы (в состав последней входят глаза, голова, тело, способное двигаться по земле). В-третьих, восприятие является первичным знанием о мире, основанном на самостоятельном извлечении информации. Получаемое первичное знание носит неявный характер, не может быть выражено словесно. Явное знание, передаваемое “другому”, носит вторичный характер; мудрость, передаваемая из поколения в поколение фиксируется в письменной форме.

Непосредственность, конкретность восприятия “освобождает” данные познавательные акты от рационалистических “оков”: от принципа единообразия, от необходимости равняться на стандарты

и подчиняться жесткой причинной обусловленности. А это значит, что для отражения перцептивного нужна иная категориальная система: к перцепциям неприменимы представления о теоретически познанном, о логически обоснованном, об универсальном. Миру восприятий, интуиций, воображений гораздо ближе строй и ход мысли, который может быть эксплицирован с помощью представлений о невербальном, о неявном знании; это будет круг понятий, выражающий методологическую свободу мысли, восприятие реальности “во всех ее изгибах и поворотах”: это будут понятия конкретность, разнообразие, размытость, неопределенность, независимость и др. Видимо, отсюда тянутся нити к новому образу науки и соответственно к принципиально иной структуре познавательной модели, которая является антиподом рационально-ориентированной; именно здесь стоит искать корни той нестандартности, которой пронизаны перцептивные мыслительные акты.

2. ПРЕДПОЧТЕНИЕ: ИСТИНА ИЛИ ЦЕННОСТИ?

Проведенное сравнительное исследование двух составляющих сознания как двух относительно самостоятельных миров позволяет обратиться к основаниям решительного неприятия перцептивного. Это неприятие проистекало из-за несовместимости с априорно-заданными рационалистическими нормами, как некоторой системы ценностей. Поэтому всякое отклонение от принятых ценностных критериев рассматривается господствующей идеологией как проявление ущербности. Предпочитая нечто, субъект руководствуется не столько теоретическими соображениями, сколько опирается на свои убеждения и стремления — на чувства, установки, ценности и т.п. Данный аспект научной деятельности вводит нас с сферу, которая в современном методологическом сознании обозначена как сфера практического интеллекта.

Д. Юм обратил внимание на то, что практическое рассуждение содержит скачок от фактических утверждений к модальным, что практическое рассуждение основано на системе деонтических норм, раскрывающих, что дозволено, а что запрещено”.

Такой взгляд на цели практического разума, ориентированного на должное, а не сущее, разделяют и ряд других философов. Помыслы практического интеллекта вращаются в круге предпочтений, сомнений, волений, направлен на выбор оптимального, с тем, чтобы предусмотреть ближайшую или отдаленную перспективу, важную для субъекта, причем “здесь” и “теперь”. За такой строй и ход мысли ответственен практический рассудок, основанный на перцептивном

сознании. Вопрос о выборе, о предпочтении одного перед другим решается по поводу самых разных предметов и действий, однако всякий раз аргументация вращается вокруг критериев отбора: какой из признаков следует предпочесть, чтобы спланировать будущее, сделать следующий шаг. Ценностное отношение вырастает из системы убеждений, из потребностей, интересов и пр.

В вопросе о доксе как о “нечистом”, о “незаконнорожденном” мышлении представлено как раз аксиологическое соображение.

Между тем ценностный предикат “благо” характеризует не сам предмет. Ценности не имманентны бытию, они составляют принадлежность идеальных сфер разума. В самом деле, чтобы какой-то предмет приобрел аксиологический знак, нужна склонность субъекта именно к данному предмету, предпочтение “этого” перед “другим”. Полагаем, что важность дальнейшего изучения смысла предпочтения станет очевидной, если принять во внимание содержательную связь предпочтения с практическим интеллектом. Попытаемся далее осмыслить логическую структуру предпочтения, выявить те цели и те средства, которыми располагает данная процедура.

Известный финский логик и философ Г. фон Вригт разработал концепцию, получившую название “логики предпочтения”¹⁴. Предпочтение он соотносит с рядом “практических” понятий, таких как выбор, желание, хотение и др. Особое значение в этой связи автор придает выбору (предпочтительному выбору). Аксиологическая разновидность практического аргумента, по Вригту, имеет такую схему: Я хочу “А”; “В” есть необходимое условие “А”; следовательно, Я должен сделать “В”. Будучи практическим аргументом, такое суждение выполняет функцию регулирования и упорядочения действий субъекта. Выбирая “одно из”, оценивая нечто по более высокому разряду, субъект оставляет в общем ценностном пространстве не только “лучшее”, но и все “другое”.

Чтобы понять механизмы работы внерациональных структур сознания, попытаемся далее приглядеться к логической структуре предпочтения. Обратим внимание на возможность двух, по крайней мере, типов оценочных процедур, к которым прибегает субъект при выборе. Различие данных процедур зависит от характера шкалы, по которой ведется оценка: процедура сравнения проводится по абсолютной шкале, в то время как предпочтительный выбор – по относительной.

Сравнивая предметы по абсолютной ценностной шкале, достигают их жесткого разделения. Добро и зло, истина и заблуждение, законнорожденное знание и незаконнорожденное и др. здесь проти-

востоят друг другу. Один из членов оппозиции оценивается со знаком минус, другой – плюс. Поскольку процедура сравнения опирается на специфицированные, индивидуализированные признаки, это ведет к выделению каждый раз особых классов, особых типов.

Совсем иначе складываются отношения между “разным”, если предметы помещены на относительную ценностную шкалу. В этом случае сравниваемые предметы не разделены стеной, не разведены по разным классам, а, напротив, располагаются в общем ценностном пространстве.

Для разъяснения сказанного сравним между собой рутинный и творческий труд, используя разные ценностные шкалы.

В соответствии с абсолютными критериями творческий труд оценивается, как правило, позитивно, в то время как к рутинному отношению пренебрежительно-отрицательное.

Между тем на относительной шкале предметом обсуждения становятся не сами разновидности труда, а отдельные характерные свойства, присущие каждому из способов деятельности. В этом случае о рутинном труде судят не как антиподе творческого, не подчеркивают его машиноподобность, а, напротив, указывают на такую профессиональную спецификацию, где умение достигает высокого уровня автоматизма. Субъект отдает предпочтение, считает для себя “лучшим” именно данный вид труда, соответствующий “здесь” и “теперь” важному для него набору требований. Другая разновидность – творческий труд – в силу своей невостребованности маркируется знаком “хорошо”, т.е. помещается в том же ценностном пространстве, а не отбрасывается. А это значит, что в рамках относительной системы отсчета и перцептивному строю мышления уже не “укажут на дверь” как незаконнорожденному, а, напротив, проявят “уважение”, отметят его особый чин – гносеологический статус, природные качества и т.п.

Среди мотивов, которые движут субъектом, осуществляющим выбор “лучшего”, следует указать на два главных. Это, во-первых, поиск истины и, во-вторых, стремление к пользе. Практический интеллект заинтересован главным образом в получении пользы. Как справедливо подчеркивает Н.Д.Арутюнова, в этом случае правота в оценке устанавливается не благодаря истинности аргумента, а благодаря его полновесности”.

Столь подробный анализ различий между процедурой сравнения, основанной на абсолютной ценностной шкале, и процедурой предпочтительного выбора, использующего относительные ценностные критерии, проведен нами не случайно. Необходимость пони-

мания такого различия важна для осознания тех следствий – гносеологического и психологического плана, – которые возникают прежде всего при использовании абсолютной шкалы. Обращение к широко известной дискуссии о природе и статусе искусственного интеллекта позволит продемонстрировать, к чему приводит абсолютистский (максималистский) взгляд на методы познания.

Весьма существенно, что абсолютная шкала не просто наделяет “разное” – естественный и искусственный интеллект – особыми признаками, не только с неизбежностью ведет к оппозиции; другой итог состоит в признании приоритетности одного из членов оппозиции при одновременном “затенении”, а то и просто отсечении другого члена. Именно на этом пути нарушается баланс в расстановке познавательных стратегий, складывается неравносильное внимание к альтернативным приемам и методам исследования. Попытки связать оптимизацию самых разных сфер науки и практики преимущественно с компьютерными средствами построены как раз на логике максимализма (универсализма). Сформировавшийся “перекос” в сторону новых технологий выражается в том, что традиционные для каждой сферы средства познания оказываются подчас отодвинуты на задний план.

К мысли об относительной ценности компьютерных средств (как, впрочем, и любых других), о границах компьютеризации мы пришли не потому, что сомневаемся в самой идее новой технологии. Вопрос стоит совсем в иной плоскости, в частности в связи с задачей прогнозирования направлений развития системы образования. Появившаяся тревога связана с мыслью о том, что отсутствие ясного взгляда на суть баланса и происшедшее его нарушение может негативно сказаться на планировании стратегии в деле подготовки кадров и, как следствие – затормозить или исказить ход научно-технических преобразований. Поэтому понимание ответственности за правильность сделанного прогноза можно рассматривать как призыв своевременно обосновать возможность альтернативных, то есть внекомпьютерных средств максимизации.

В ситуации альтернативы каждое из направлений имеет свою ценность, одно не отрицает другое, “разное” сосуществует на равных правах. В противном случае появляются запреты, корни которых находятся в сфере психологии, а не гносеологии. Весьма значительна здесь доля личного интереса, того, что имеет близость сердцу, а не уму. Процедура отторжения небезупречна в социальном плане, ибо достигается нередко с помощью репрессивных мер. В этом находит проявление та страстность, которую М.Полани называет неотъемле-

мым элементом науки". Надо признать, что цивилизация выработала самые разные формы предпочтений и способы их достижения. В самом деле, как часто бывает достаточно одних лишь ужимок, простого лишь умолчания (вот уж чем так богата внерациональность!). с тем, чтобы изолировать "неудобное", нежелательное кому-то. Именно так порой исчезали и исчезают с исторической сцены фрагменты культурной реальности.

Как показывает история познания, признание абсолютной полноты и завершенности какого-то конструкта с неизбежностью ведет к его перерастанию в нечто канонизированное, догматизированное. Значит, происходит перерождение исходного смысла и значения конструкта. Если первоначальный смысл связан с поиском общезначимого, инвариантного, что вполне согласуется с консервативно-охранительными структурами сознания, то догматизация, описание которой можно дать через такие понятия, как косность, инертность, зашоренность, безвременье и т.п., находит опору и приводит в действие совсем иные структуры сознания – запрительно-разрушительные".

Проведенное сравнительное исследование процедур предпочтительного выбора и сравнения, анализ истоков догматизма позволяют подойти к дискуссии о границах компьютеризации" совсем с иной стороны, глубже понять происшедшую переориентацию с репродуктивных видов деятельности на продуктивные, с человека-исполнителя на человека-новатора".

Отмеченные сдвиги вовсе не обесценивают репродуктивных видов деятельности. Значимость последних подтверждается развитием информатики, проникновением компьютерных средств в самые разные научно-практические сферы. Однако разве можно из предпосылки о прогрессирующем расширении информационных технологий вывести тезис не просто о сохранении такой перспективы, но и о придании компьютеризации статуса единственной стратегии? Разве пути оптимизации не могут быть и другими? Радикализм в оценке путей развития навязан компьютерным образом мира. Данный "образ" покоится на вере в возможность полной автоматизации любой области. Эти притязания новой технологии выражают укоренившийся идеал рационализма с его опорой на точное, формальное знание.

Но наряду с этим возник и другой ход мысли, скептически оценивающий продуктивные возможности компьютеризации". Ведь при оценке такого рода результатов обнаружили, что та часть опыта, которая связана с практическим интеллектом, с тонкими, трудно уловимыми чертами мастерства, профессионализма, оказались не-

подвластны искусственному интеллекту. Отсюда проистекают попытки переосмысления границ новой технологии. Именно на этой почве зародилось стремление переоценить прогнозы научно-технической перспективы в целом. Поставленная задача не может быть продвинута, если не будет переосмыслена стратегия и тактика в рамках системы образования и воспитания, если не будут обоснованы перспективы и направления кадровой политики. Важно признать, что любые приоритеты в любых сферах (если они претендуют на роль абсолютов) могут оказаться губительными. Важным последствием укоренения компьютерного образа мира является идейная монополия, провозглашение силы и непреложности данной парадигмальной установки, постоянное и непреложное воспроизводство данных идей в любых условиях. Скептически оценивались ожидания неограниченной компьютеризации, вера во всеобщность и необходимость средств информатики.

3. ПОПЫТКИ АРТИКУЛЯЦИИ ПЕРЦЕПТИВНОГО

Итак, анализ природы абсолютной ценностной шкалы позволил убедиться в неизбежности догматизации исходного основоположения; этой судьбы не избежать и компьютерной модели мира, если она будет претендовать на всеобщность и необходимость. Мысль о судьбе концептов, претендующих на роль абсолютов, совпадает с другой более общей мыслью о том, что у культуры нет прямой столбовой дороги, что рационализм (значит, и новая технология) составляет лишь одну из ее троп. Осознание важности баланса разных исследовательских средств помогает, с одной стороны, преодолеть догматизм, а с другой — обеспечить разнообразие познавательных средств: наряду с наращиванием темпов компьютеризации столь же необходимо развитие идеологии практического мастерства, умений и других форм, основанных на практическом интеллекте.

Последнее обстоятельство делает актуальной задачу обоснования природы и способов артикуляции невербального сознания, неосознанных чувств, “потаенного” и др. Чтобы вывести такого рода мыслительные акты “на поверхность”, сделать явными, необходим анализ разнообразного опыта — от исторического до конкретно-практического, от самых разнообразных концепций до практики живой жизни. Надеемся, что такого рода индуктивные экстраполяции, продвижение в двух названных направлениях позволит далее обосновать как ранее обнаруженные, так и вновь открытые смыслы внерациональных структур сознания.

Одной из общих предпосылок дальнейшего анализа может послужить понятие традиции. Будучи актом передачи из рук в руки, традиция, по словам Х. Гадамера, не совершается автоматически. “Даже самая подлинная и прочная традиция формируется не просто естественным путем, благодаря способности к самосохранению того, что имеется в наличии, но требует согласия, принятия, заботы”²¹.

Для нас важна здесь не позиция Гадамера по отношению к понятию традиция, но само это понятие и такой его признак, как невозможность автоматической трансляции знаний и умений. Представления о способах наследования, о приемах, используемых для передачи культурно-исторического опыта, проблемы института наставничества обсуждались, естественно, самыми разными мыслителями. Аристотель, рассуждая на эту тему, отдавал предпочтение формально-логическим приемам. По его мнению, наставниками могут быть лишь те, кто обладает отвлеченными знаниями и знанием причин, а не умением действовать²². Между тем Сократ придерживался другой позиции. По преданию Сократ говорил, что мудрым человека делает тот внутренний бог, который помогает излекать уроки из опыта прожитой жизни. “Эту божественную милость истинной мудрости можно передать близкому человеку разве что в тесном и дружеском единодушном общении, из руки в руку, как силу магнетизма – в этом сходятся свидетельства “Феага” и Ксенофоновых воспоминаний”²⁴. “Силу магнетизма” можно выразить, по-видимому, с помощью представлений о дорефлексивных слоях сознания, которые не искажены вмешательством интеллекта и языка и которые могут быть схвачены усилием самонаблюдения. Затверженные, механически воспринятые знания и умения превращаются в инструкции и, как правило, угасают в навыках”.

Как взаимодействуют между собой разные типы культур? На чем основываются межкультурные контакты? В недавно вышедших работах М. К. Петрова осуществлен замысел реконструкции сосуществования культур²⁶. С этой целью автор развивает представление о типах социального кодирования и с их помощью исследует картину воспроизводства культурных традиций. В контексте нашей темы для понимания невербальных структур сознания привлекает внимание лично-именной и профессионально-именной типы социального кодирования. Первый обеспечивается простым воспроизводством: действия отрабатываются в имитациях-тренировках, им присуща малая инерционность, значительная точность и эффективность. Во втором типе основным транслятором навыков является семья, а интегратором профессиональной деятельности служит кровнородст-

венный признак. Все члены профессии-группы через систему наследуемых межсемейных контактов “делают одно и то же”. Наглядно-подражательные схемы опираются на авторитет, на веру в священность и непреложность предлагаемых приемов (текстов). Мысль о роли наглядного обучения, о значимости поведенческого стереотипа обобщается М.К.Петровым до понимания путей воспроизводства культуры, культурно-исторической преемственности.

К числу наследуемых можно, пожалуй, отнести некоторые миро-жизнеопределяемые формы восприятия, под влиянием которых складывается особые дух и образы. Контекст самой жизни, ее уклад с необходимостью ведут к воспроизводству того, что создано предшественниками и наследуется индивидами. Именно на этом пути складываются, по-видимому, образы работника и ученого, образы гражданина и семьянина и т.д.; отсюда проистекают дух ответственности и порядочности, любви к Отчизне и память праотцов, дух добросердечия и милосердия и пр. Образы и дух служат катализаторами и скрепами, которые направляют и интегрируют разные стороны сущности и самого индивида и разных социальных ячеек.

Трудно артикулируемы также и другие духовные компоненты, такие, скажем, как веления сердца и разума, та страстность души, которая влияет на предпочтения. Будучи спорадичными эти структуры сублимируются в особого рода “тайники души”, “подсознательные глубины”. Последние отнесены У.Джемсом к разряду психологического мистицизма⁷. Недоступные прямому наблюдению, трудно выразимые в словах такие компоненты внутреннего мира невозможно порой сделать явными не только “для другого”, но и для “самого себя”.

Мыслители разных эпох обращались к теме невербального сознания, к трудностям артикуляции знания. Данте в первых стихах первой книги “Рая” утверждает свое пребывание в раю: “Я в небе был... /Но вел бы речь напрасно... /О виденном вернувшийся назад”⁸.

По М.Л.Лозинскому, Данте не умеет и не может пересказать виденное в раю так, как будто он там действительно был. Не умеет потому, что забыл; не может по той причине, что если он помнит и хранит в памяти главное, ему не хватает слов. Наш разум, действительно, видит многое, для чего, однако, у нас не хватает словесных обозначений.

Л.Витгенштейн в “Философских исследованиях” попытался выразить трудности вербализации того, что таят в себе неясно различимые глубины жизни. По его мысли, необходимо учитывать также и внеязыковую ситуацию, которую образует вся система чело-

веческой деятельности. Ведь язык составляет лишь один из ее элементов. О том, что речь, язык неотделимы от жизни, можно судить, обращаясь к разным жизненно-практическим ситуациям. В условиях военных действий, замечает Витгенштейн, легко вообразить язык, состоящий из приказов и рапортов. Жизнь во всей ее сложности и противоречивости дает возможность функционировать бесчисленному множеству других языков. Самое трудное — это перевести такую неопределенность правильно и правдиво в слова”.

Историко-научный опыт в самых разных познавательных сферах дает немало примеров тех трудностей, с которыми сталкивается субъект при экспликации перцептивного. Спрашивается, какие мыслительные акты служат здесь опорой, если все же достигается позитивный результат? Может быть, метод проб и ошибок? Как подмечает Дж.Остин, экспликация неявного знания исключает умозаключения и интерпретацию. Значительную роль здесь выполняет личный “неизреченный” опыт. Так, к примеру, по “осанке”, “по манерам” нетрудно восстановить облик субъекта”. Процедура “узнавания” не включает при этом ни точного знания, ни строгих определений. Напротив, велика роль чутья, неосознаваемых чувств, которые тем не менее приводят к точной идентификации”. В осмыслении интуиций субъекту очень часто помогает прошлый опыт, уже знакомое, испытанное чувство.

Неопределенность терминологии отражает неопределенность содержания понятий. Чтобы выразить значение концептов прибегают часто к языку здравого смысла или к терминам конкретных физических, биологических предметов. Метафорический перенос исходных простых представлений на более сложные выступает как модель познания, обеспечивающая возможность его развития. Основанием переноса служит сходство образов ситуаций. Дж.Лакофф, размышляя над механизмами такого порождения, считает, что метафора служит прототипом и помогает переводить неочевидное в понятное и наглядное, служит, таким образом, основанием идентификации”.

Прототипический прием часто используют при артикуляции разного рода чувств и стремлений. Основываясь на процедуре сведения неизвестного к известному, удается определить такие, к примеру, трудно выразимые в словах чувства, как гордость, стыд, страх, стяжательство и др. За основу концептуализации эмоций В.Ю.Апресян и Ю.Д.Апресян взяли единый принцип уподобления того, что недоступно напрямую наблюдению (реакции души) тому, что может наблюдаться более непосредственно (реакции тела). Реакции тела, по их мнению, оказываются ключом ко всему, что проис-

ходит в душе человека". Движения тела, "говорящие" особым языком, располагают специфическим смыслом и значением; такой "лексикон" основан на метафорах, образах. В итоге частный язык открывает доступ к соответствующему когнитивному строю.

В истории культуры также можно обнаружить ряд линий, каждая из которых на свой лад анализировала идею смыслового разнообразия жизненного мира, пыталась языком чувств выразить представление о реальности. Своеобразное звучание идея многообразия форм передачи смыслового содержания получила у Д.Дидро в его романе "Племянник Рамо". Великий просветитель вскрыл неоднозначность и многоплановость языка жизни, показал, что смыслы можно передавать самыми неординарными "частными" языками, а классификации могут быть достигнуты за счет нетрадиционных средств. Чтобы достичь успеха, герой Дидро использует язык мимики и жестов, который в соответствующих ситуациях обнаруживает поразительную эффективность.

Говоря об особенностях своей тактики, Рамо признается, что главное — это подобрать метод, который бы соответствовал предмету, что тотчас может найти нужный отклик. Будучи знатоком человеческих душ, герой романа понимает, что "правила" часто бывают бесполезны. Более эффективными могут оказаться адекватные ситуации эмоциональные приемы. "Если вы хотите, — заявляет Рамо, — кому-либо понравиться, вызвать одобрение, то это не следует делать всегда одним и тем же способом; это было бы однообразно, показалось бы неискренним, превратилось бы в пошлость. На помощь тут является сообразительность, изобретательность; надо уметь подготовить и к месту пустить в ход мажорный решительный тон, уловить случай и минуту... У меня есть и мягкие тона, которые я сопровождаю улыбкой, бесконечное множество ужимок одобрения: тут работает и нос, и лоб, и глаза; я отличаюсь особой гибкостью поясницы, особой манерой выгибать спину или опускать плечи, вытягивать пальцы, наклонять голову, закрывать глаза и разыгрывать изумление, как будто некий ангельский или божественный голос прозвучал мне с неба"⁴.

И еще: "У меня более ста приемов, как приступить к обольщению молодой девицы в присутствии матери так, что та и не заметит и даже окажется пособницей"⁴. Развитие чутье, тонкое понимание психики подсказывает мошеннику, какой из ходов нужно сделать, чтобы вызвать положительную реакцию и предстать добропорядочным лицом. В случае несовпадения нравственно-психологических контекстов, при отсутствии общности смысло-

порождающих структур герой Дидро превратился бы в незатейливого актера: “жесты оголились”.

Субъективные восприятия, особая установка сознания становятся той конституирующей силой, которая придает очертания целостности разнородным событиям, независимо от того, удалены они в пространстве и времени или же вовсе не связаны друг с другом. Случайно сочетаемые ощущения пробуждают продуктивную способность воображения. Отсюда неожиданные ассоциации, образы. Художественное воображение может руководствоваться даже “мелодией слова”⁴, помогающей переводу стихов. Используя “игру, скольжения”⁵, художник привносит в создаваемый образ смысловую неординарность, символы, загадки.

Истоки смысловой “стереоскопичности” художественного образа восходят не только к автору, но и могут быть отнесены к зрителю (читателю, слушателю). Произведения гениев часто бывают подвергнуты интерпретациям. “Не только поэт, критик и артист, но даже зритель и читатель вечно творят Гамлета”⁶.

Немалая заслуга в извлечении из “недр сознания” тонкого духовно-практического опыта принадлежит, таким образом, искусству, в особенности его символическому направлению. Поэзия, музыка, изобразительное искусство помогают нам понять самих себя, а также прикоснуться к тем запредельным смыслам, которыми окутано Бытие, созданное Творцом. Отобразить гармонию мира дано немногим. В их числе поэты, художники, музыканты, математики.

Поэт Иван Бунин – один из немногих в этом ряду, чья тончайшая чувствительность и почти ясновидческая интуиция позволили прикоснуться к наиболее сокровенному в человеческом существовании, извлечь и выразить глубины подсознания.

В романе “Жизнь Арсеньева” он сумел передать неформулируемые, постоянно томящие человека своей загадкой смыслы жизни. “В те дни, – пишет И.А.Бунин, – я часто как бы останавливался и с резким удивлением молодости спрашивал себя: все-таки что же такое моя жизнь в этом непонятном, вечном и огромном мире, окружающем меня, в беспредельности прошлого и будущего (...). И видел, что (моя и всякая) есть смена дней и ночей (...), удовольствий и неприятностей, иногда называемых событиями (...), есть непрестанное, ни на единый миг нас не оставляющее течение несвязных чувств и мыслей, беспорядочных воспоминаний о прошлом и смутных гаданий о будущем; а еще – нечто такое, в чем как будто и заключается некая суть ее, некий смысл и цель, что-то главное, чего уже никак нельзя уловить и выразить”⁷. Сила чувства, тонкость на-

блюдения, богатство и выразительность словесной ткани, гипнотизм атмосферы, постоянное ощущение тайны позволяли все-таки И.А.Бунину передать то, что, по его словам, “никак нельзя уловить и выразить”¹⁰.

Подчас, чтобы сформулировать свое отношение, свое чувство, субъект специально отказывается от ясного, четкого изложения и прибегает, напротив, к намекам, иносказаниям, другим косвенным побочным способам передачи содержания. Об использовании таких приемов говорит Зинаида Гиппиус, вспоминая о своих беседах с Александром Блоком. По ее словам, в их разговоре устанавливался тот язык общения, при котором главное оказывалось на периферии или вообще не высказывалось. Понимание достигалось за счет скользящих внешних смыслов. “Каждое из его медленных, скупых слов, – говорит З.Гиппиус, – казалось таким тяжелым, так оно было чем-то перегружено, что слово легкое или даже много легких слов не годились в ответ.

Можно было, конечно, говорить “мимо” друг друга, в двух разных линиях; многие, при мне, так и говорили с Блоком, – даже о “возвышенных” вещах; но у меня, при самом простом разговоре, невольно являлся особый язык: между словами и около них лежало гораздо больше, чем в самом слове и его прямом значении. Главное, важное никогда не говорилось. Считалось, что оно – “несказанно”.

Сознаюсь, иногда это “несказанное” (любимое слово Блока) меня раздражало. Являлось почти грубое желание все перевернуть, прорвать туманные покровы, привести к прямым и ясным линиям, впасть чуть не в геометрию. Притянуть “несказанное” за уши и поставить его на землю. В таком восстании была своя правда, но ... не для Блока”¹¹.

Смыслы, открывающиеся воображению, чувству, неустойчивы, расплывчаты. В противоположность одному-единственному смыслу, постигаемому интеллектом, перцептивное сознание может, повторяем, опираться на некоторый смысловой ряд.

Итак, проведенный анализ показал, как философская, специально-научная, культурно-историческая мысль объединилась для разрешения задач, встающих на пути определения доксы. Обращаясь к различным интерпретациям перцептивного, мы не просто фиксировали исторически предшествующие идеи, не только стремились опереться на познавательные усилия ученых-специалистов и деятелей культуры, но и попытались понять и обосновать природу и гносеологический статус перцептивного строя сознания.

- ¹ Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970. С. 226-227.
- ² Декарт Р. Избранные сочинения. М., 1950. С. 352.
- ³ Беркли Дж. Сочинения. М., 1978. С. 144.
- ⁴ В своем анализе рационализма мы обратим внимание лишь на те стороны, которые характеризуют его как антитезу чувственного строя мышления. Объемное рассмотрение рациональности дано в ряде отечественных и зарубежных публикаций.
- ⁵ Мы уже имели возможность высказаться об идейно-ценностных основах монизма и фундаментализма, о способах реконструкции мозаичных объектов познания, и поэтому не будем касаться сути данных стратегий познавательной деятельности. См.: Абрамова Н. Т. Мозаичный объект – поиски оснований единства // *Вопр. философии*. 1986. № 4; *Ее же*. Границы фундаментализма и новый образ науки // *Филос. науки*. 1989. № 10.
- ⁶ Бергсон А. Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1992. С. 105.
- ⁷ Васильева Т. В. Беседа о логосе в платоновском “Тезетете” // Платон и его эпоха. М., 1978. С. 283.
- ⁸ Там же. С. 286-287.
- ⁹ Там же. С. 283.
- ¹⁰ Дж. Серль считает, что наша способность соотносить себя с миром с помощью интенциональных состояний более фундаментальна, чем появление языка. Возможности и ограничения языка задаются возможностями и ограничениями интенциональных состояний, как конституирующей характеристикой сознания. Интенциональные состояния имманентно, спонтанно продуцируют сами из себя лингвистические акты, язык в целом. См.: *Серль Дж.* Интенциональные состояния // *Философия. Логика. Язык*. М., 1987.
- ¹¹ Там же. С. 105.
- ¹² Там же. С. 213.
- ¹³ Гибсон Дж. *Цит. соч.* С. 336.
- ¹⁴ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 618.
- ¹⁵ Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
- ¹⁶ Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций // *Известия АН СССР. Сер. лит. и языка*. 1983. Т. 4. № 4.
- ¹⁷ Полани М. *Личностное знание*. М., 1985. С. 196.
- ¹⁸ Абрамова Н. Т. Можно ли жить без догмы? // *Диалектика и догматизм*. М., 1990.
- ¹⁹ Мы затронем проблему границ и сферы применимости идей и методов информатики в одном из практических аспектов, а именно с точки зрения планирования системы образования. В более широком контексте эта проблема обсуждается в следующих работах: Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М., 1978; Бирюков Б. В. Что же могут вычислительные машины? Вместо послесловия // Дрейфус Х. Указ. соч.: Кибернетика и диалектика. М., 1978; Сирл Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // *В мире науки*. 1990. № 3; Черчленд П. М., Черчленд П. С. Может ли машина мыслить? // *В мире науки*. 1990. № 3; Бирюков Б. В., Эджубов П. Г. Кризис жанра или временные трудности? (подводные камни на пути гуманитарной информатики) // *Вопр. философии*. 1992. № 6 и др.
- ²⁰ Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992. С. 5.
- ²¹ Goranzone Bo. *The Practical Intellect: Computers and Skills*. Springer Verlag, 1993.
- Гадамер Х. Г. *Истина и метод*. М., 1988. С. 334.

- ²³ *Аристотель*. Соч. Т. 1. М., 1976. С. 66.
- ²⁴ См.: *Васильева Г.В.* Афинская школа философии. М., 1985. С. 52.
- ²⁵ *Чешев В.В.* Техническое знание как объект методологического анализа. Томск, 1981. С. 71.
- ²⁶ *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991; *Его же.* Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992; *Его же.* Миф и научно-техническая революция // *Вопр. философии.* 1992. № 6.
- ²⁷ *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. Спб., 1910.
- ²⁸ *Данте Алигьери.* Божественная комедия. М., 1967 (Пер. М.Лозинского).
- ²⁹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI. М., 1985. С. 108.
- ³⁰ *Остин Дж.Л.* Чужое сознание // *Философия. Логика. Язык.* М., 1987. С. 83.
- ³¹ *Гибсон Дж.* Цит. соч. С. 213.
Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификатора // *Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка.* Вып. XXIII. М., 1988.
Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопр. языкознания.* 1993. № 3. С. 33.
- ³² *Дидро Д.* Племянник Рамо. М., 1956. С. 46-47.
- ³³ Там же. С. 49.
- ³⁴ *Брюсов В.* Фиалки в тигле // *Воспоминания о серебряном веке.* М., 1993. С. 525.
- ³⁵ *Лотман Ю.* Текст в тексте // *Уч. зап. Тартус. ун-та.* 1981. Вып. 567.
- ³⁶ *Анненский И.* Что такое поэзия? // *Иннокентий Анненский. Книги отражений.* М., 1979. С. 205.
- ³⁷ *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Роман. Рассказы. Горький, 1986. С. 142.
- ³⁸ *Мальцев Юрий.* Бунин. Посв. 1994. С. 320.
- ³⁹ *Гиппиус Зинаида.* Мой лунный друг. О Блоке // *Воспоминания о серебряном веке.* М., 1993. С. 142.